

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ И ДЕЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ В РАННЕЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
v.brovkin@g.nsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о предпочтительном образе жизни в ранней эллинистической философии. Установлено, что для многих философов созерцательная и деятельная жизни были равноценны. Данной позиции придерживались Деметрий Фалерский, ранние стоики, вероятно Ксенократ и Менедем из Эретрии. Дикеарх отдавал предпочтение деятельной жизни. Предпочтение созерцательной жизни отдавали Аристотель, Теофраст и Эпикур. При том, в отличие от Аристотеля и Теофраста, Эпикур рассматривал созерцательную жизнь не как цель, а только как средство достижения безмятежности. Также было установлено, что высокий ценностный статус деятельной жизни в ранней эллинистической философии был обусловлен сохранением полисной системы и образованием эллинистических монархий, в которых открылись широкие возможности для участия философов в политической деятельности. Стремление к созерцательной жизни было связано с кризисом полисной системы.

Ключевые слова: созерцательная жизнь, деятельная жизнь, ранний эллинизм, полис, Аристотель, перипатетики, ранние стоики, Эпикур.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2021). Представления о созерцательной и деятельной жизни в ранней эллинистической философии. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 5-17. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.5-17.

THE REPRESENTATIONS ON THE CONTEMPLATIVE AND ACTIVE LIFE IN EARLY HELLENISTIC PHILOSOPHY

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
v.brovkin@g.nsu.ru

Abstract. It is established that the question of the preferred way of life was actualized in the early Hellenistic philosophy. For many philosophers, the contemplative and the active life were equivalent. This position was held by Demetrius of Phalerum, early Stoics, probably Xenocrates and Menedemus of Eretria. Dicaearchus preferred an active life. Aristotle, Theophrastus, and Epicurus preferred the contemplative life. Unlike Aristotle and Theophrastus, Epicurus viewed the contemplative life not as an end, but only as a means of achieving serenity. It was also found that the high value of active life in early Hellenistic philosophy was due to the preservation of the polis system and the formation of Hellenistic monarchies, which opened up wide opportunities for philosophers to participate in political activities. The desire for a contemplative life was associated with the crisis of the polis system.

Keywords: contemplative life, active life, early Hellenism, Polis, Aristotle, peripatetics, early stoics, Epicurus.

For citation: Brovkin, V. V. (2021). The representations on the contemplative and active life in early hellenistic philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 5-17. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.5-17.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, какому образу жизни отдавали предпочтение греческие философы в период раннего эллинизма и какую роль в формировании этих предпочтений сыграли социально-исторические условия. В научной литературе распространилось представление о том, что в эллинистическую эпоху в греческой философии произошел поворот от деятельной жизни к созерцательной. Как полагает М. Ю. Биркин, смещение акцента в сторону созерцательной жизни в античной философии в эпоху Римской империи «во многом было связано со своеобразной эллинизацией римской культуры» [Биркин, 2016, с. 41]. Отмечается, что римский стоицизм и неоплатонизм с их отходом от деятельной жизни имели глубоко эллинистические корни. М. Ю. Биркин не объясняет, в чем заключалось это эллинистическое влияние. Однако другие исследователи уже давно обратили внимание на этот вопрос. Согласно Э. Бевану, уход греческих философов в созерцательную жизнь в эпоху эллинизма был обусловлен истощением полисной системы и как следствие утратой почвы под ногами. В новых социально-исторических условиях наблюдалась усталость от нестабильности в окружающем мире и отвращение к политической деятельности [Bevan, 1923, p. 79-80]. В упрощенном виде точка зрения Э. Бевана сводится к тезису о том, что отрешенность эллинистических философов была порождена исчезновением политической свободы [Bevan, 1923, p. 99]. Данная точка зрения восходит к Гегелю и Э. Целлеру. В трудах этих исследователей впервые была зафиксирована мысль об уклонении от деятельной жизни и о повороте к внутреннему миру человека в эллинистической философии в связи с политическим упадком Греции [Гегель, 1932, с. 325-326; Zeller, 1880, p. 15-17]. Отдельные современные исследователи оспаривают данную точку зрения. Как полагает Э. Браун, стоики и эпикурейцы противостояли представлению Платона и Аристотеля о созерцательной деятельности как высшем благе [Brown, 2008, p. 79-80]. Также Э. Браун критикует тезис об упадке полиса в эпоху эллинизма. Как отмечает исследователь, некоторые философы продолжали служить полису и в эпоху эллинизма [Brown, 2008, p. 80]. О том, что созерцательная жизнь не вытеснила деятельный образ жизни в ранней эллинистической философии, говорят Т. Бенатвиль и М. Бонацци [Bénatouïl & Bonazzi, 2012, p. 5].

Говоря об образах жизни, мы будем иметь в виду то, что Аристотель назвал в «Никомаховой этике» созерцательной и деятельной жизнью. В X книге «Никомаховой этики» Аристотель доказывает, что «счастье состоит в деятельностях сообразно добродетели» [Аристотель, 1983, с. 281]. Главным аргументом, согласно Аристотелю, является то, что добродетельная деятельность избирается ради нее самой, а не ради чего-либо иного. Аристотель полагает, что в основе счастливой жизни находится деятельность наилучшей и наивысшей части человеческой души. А таковой является разумная часть души и связанная с ней добродетель. Но добродетельная деятельность, по мнению Аристотеля, бывает двух видов. Один вид деятельности или образ жизни связан с человеческим умом. Этот образ жизни Аристотель называет созерцательной (θεωρητικός) жизнью. Другой образ жизни, связанный с поступками, философ называет деятельной жизнью. Что Аристотель вкладывает в эти понятия? Под созерцательной жизнью Аристотель понимает жизнь философа, «которая свободна от всякой внешней деятельности» [Аристотель, 1983, с. 591]. Полагаем, что мы не ошибемся, если назовем этот образ жизни научно-философским. Под деятельной

жизнью Аристотель понимает, прежде всего, политическую деятельность. В VII книге «Политики» философ прямо пишет, что политическая и практически деятельная жизнь (πολιτικὸς καὶ πρακτικὸς βίος) являются одним образом жизни [Аристотель, 1983, с. 591]. Также в «Никомаховой этике» Аристотель отмечает, что «для добродетелей, обращенных на поступки, область деятельности – государственные или военные дела» [Аристотель, 1983, с. 282].

Согласно Аристотелю, оба этих образа жизни заслуживают всяческого одобрения и достойны избрания. Но наивысшее счастье Аристотель связывает с созерцательной деятельностью. Какие аргументы Аристотель приводит в пользу своего мнения? Он рассуждает следующим образом. Наивысшее счастье заключается в деятельности добродетели наивысшей части души. Этой добродетелью является мудрость, а наивысшей частью души является ум. Созерцательная жизнь доставляет наибольшее и самое чистое удовольствие. Также созерцание является наиболее самодостаточной деятельностью, поскольку его целью является само созерцание, а не что-либо иное. Нельзя не отметить, что в основе представлений Аристотеля о созерцательной жизни лежит его учение об Уме (νοῦς). В XII книге «Метафизики» Аристотель характеризует Ум как мышление о мышлении. Согласно Аристотелю, деятельность Ума является самой лучшей и вечной жизнью. Философ пишет, что умозрение (θεωρία) Ума – «самое приятное и самое лучшее» [Аристотель, 1976, с. 310]. Следовательно, задача человека, по Аристотелю, заключается в том, чтобы максимально приблизиться к подобному образу жизни.

Что касается деятельной жизни, то ее Аристотель связывает, прежде всего, с рассудительностью (φρόνησις). Именно эта добродетель и соответствующая ей часть души отвечают за принятие решений в области государственных дел и политики. Однако в иерархии добродетелей Аристотеля рассудительность стоит ниже мудрости. Рассудительность направлена на получение пользы для человека или государства, а мудрость направлена на постижение вещей божественных, но бесполезных [Аристотель, 1983, с. 179-180]. На основании этого Аристотель делает вывод о том, что наивысшей ценностью обладает тот образ жизни, который приобщает человека к божественному и дарит наиболее чистое блаженство. Кроме этого, какой бы красотой и величием не обладала политическая деятельность, она все-равно будет лишена самодостаточности, поскольку она никогда не будет избираться ради нее самой. Таким образом, в вопросе о соотношении созерцательной и деятельной жизни Аристотель отдал свой голос в пользу созерцания. При этом следует подчеркнуть, что Аристотель высоко оценивал и деятельную жизнь. О важности деятельной жизни для государства Аристотель говорит в VII книге «Политики». Но к практической жизни Аристотель относит как политическую жизнь, так и созерцательную, отмечая, что «практическими являются не только идеи, применяемые ради положительных последствий, вытекающих из самой деятельности, но еще большее значение имеют те теории и размышления, цель которых – в них самих и которые существуют ради самих себя» [Аристотель, 1983, с. 595]. Как мы видим, Аристотель является сторонником представления о том, что в хорошем государстве созерцательная и деятельная жизнь дополняют друг друга.

После смерти Аристотеля в Ликее развернулась полемика вокруг вопроса о предпочтительном образе жизни. Источники сообщают, что в период раннего эллинизма в Ликее обозначились две позиции по данному вопросу. Первую позицию представлял

Теофраст, который, как сообщает Цицерон, ставил превыше всего созерцательную жизнь [Цицерон, 1949, с. 123]. Будучи крупнейшим ученым и философом своего времени, Теофраст, судя по всему, разделял мнение Аристотеля о том, что самой прекрасной и блаженной является созерцательная жизнь. Но в позиции Теофраста был один момент, который добавлял в нее пессимистический оттенок. В «Тускуланских беседах» Цицерон сообщает, что, умирая, Теофраст жаловался на природу за то, что она дала короткую жизнь человеку, «хотя она ему очень нужна: если бы человек мог жить дольше, он мог бы украсить людскую жизнь совершенным знанием всех наук» [Цицерон, 1975, с. 291]. Как верно отмечает Т. Бенатвилль, согласно Теофрасту, созерцательной жизни всегда будет мешать отсутствие оптимальных условий для нее и связанная с этим печаль [Bénatouil, 2012, p. 39]. Мы не знаем, что думал Теофраст о деятельной жизни. Если учесть его интерес к политике и тот факт, что он был учеником Платона и Аристотеля, то можно предположить, что он ставил деятельный образ жизни на второе место. В вопросе о соотношении между созерцательной и деятельной жизнью Теофраст, вероятно, полностью разделял точку зрения Аристотеля. Другой видный перипатетик Дикеарх занял иную позицию в вопросе о предпочтительном образе жизни. По сообщению Цицерона, Дикеарх отдавал предпочтение деятельному образу жизни [Цицерон, 1949, с. 123]. Дикеарх считается учеником Аристотеля и Теофраста, и то, что он разошелся в вопросе о предпочтительном образе жизни со своими учителями, говорит о многом. Прежде всего, о том, что в период раннего эллинизма в греческой философии продолжали появляться сторонники деятельной жизни.

О том, что стремление к умозрительной жизни не стало господствующим в ранней эллинистической философии, говорит и история с Деметрием Фалерским. Об этом крупном государственном деятеле и ученике Теофраста с восхищением высказывается Цицерон. Теофраст, по мнению Цицерона, вывел политическую науку «не только на свет солнца и на песок арены, но и для испытаний в битвах» [Цицерон, 1966, с. 138]. Теофраст оказался тем, кто превзошел всех философов, занимавшихся политикой, и всех государственных деятелей, занимавшихся философией. Как пишет Цицерон, Деметрию Фалерскому удалось преуспеть как на научно-философском поприще, так и на политическом [Цицерон, 1966, с. 138]. Мы не знаем, какому образу жизни отдавал предпочтение сам Деметрий Фалерский. Если судить по его биографии, то напрашивается вывод о том, что он считал наиболее достойным такой образ жизни, который сочетал созерцание и активную практическую деятельность. Итак, в случае с Ликеем мы имеем дело с философской школой, в которой обострилось противостояние в вопросе о предпочтительном образе жизни. Но, несмотря на очевидное расхождение во взглядах, всех перипатетиков, на наш взгляд, объединяло представление о безусловной ценности как созерцательной, так и деятельной жизни.

Не могли обойти стороной вопрос о предпочтительном образе жизни представители Древней Академии. Ученики и последователи Платона, как никто другие, должны были быть равнодушны к этому вопросу. Однако, мы вынуждены признать, что не располагаем сведениями, которые бы проливали свет на данную тему. Попытаемся сделать какие-то выводы на основании того немногочисленного, что нам известно. Так, Ксенократ считается автором сочинения «Об образах жизни» (Περὶ βίωων). Также известно о его активном участии в политической деятельности. Упоминается его деятельность в качестве посла в переговорах с правителями Македонии Филиппом II и Антипатром. Кроме этого, не стоит забывать и о влиянии Платона. Насколько значительным было это влияние – неизвестно. Но мы

полагаем, что представление Платона о важности деятельной жизни не могло полностью отвергаться его последователями. Выскажем предположение, что академики в период раннего эллинизма, если и не разделяли полностью взгляды Платона о предпочтительном образе жизни, то, как минимум, не сильно от них отклонялись. Также мы не исключаем, что в Академии велась такая же дискуссия о предпочтительном образе жизни, как и в Ликее. В качестве доказательства этой версии, впрочем, достаточно слабого, может выступать упоминание о той жизни, которую вели схолахи Древней Академии. Если Ксенократ, как мы уже отметили, проявлял активность в политической деятельности, то Полемон, как сообщается, вел жизнь философа-затворника в Академии [Диоген Лаэртский, 1986, с. 172].

Одной из новых философских школ, появившихся в период раннего эллинизма, была Стоя. Вопросу о предпочтительном образе жизни стоики уделили пристальное внимание. При первом взгляде может показаться, что у стоиков в данном вопросе была определенная несогласованность. Как сообщает Стобей, согласно стоикам, для мудреца «предпочтительны три образа жизни – царский, политический и третий – учительский» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 686]. По сообщению Диогена Лаэртского, стоики из трех образов жизни – умозрительного, деятельного и разумного, отдавали предпочтение последнему. Рассмотрим подробнее эти источники. Стобей, говоря о трех предпочтительных образах жизни для стоиков, имеет в виду способы получения средств для жизни. Под царским образом жизни подразумевается жизнь при дворе, а также в качестве самого царя. Средства для жизни стоик будет получать от царя. Под политическим образом жизни имеется в виду политическая деятельность. В этом случае средства для жизни стоик будет получать от государства и от занимающих высокое положение друзей. Третий путь – получение средств от преподавательской деятельности. У Плутарха мы находим подтверждение того, что под царским, политическим и учительским образами жизни стоики понимали, прежде всего, способ заработка. Приведем слова самого Плутарха: Хрисипп «считает, что мудрецу в особенности подходят три способа получать деньги: от царской власти, от друзей и еще третий – давать уроки» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 693].

Второй фрагмент, в котором содержится информация о предпочтительном образе жизни у стоиков, принадлежит Диогену Лаэртскому. Как сообщает данный автор, согласно стоикам «жизнь бывает троякая: умозрительная (*θεωρητικός*), деятельная (*πρακτικός*) и разумная (*λογικός*)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 285]. И далее следует важное уточнение: «Предпочтительна последняя, потому что разумное существо самой природой приспособлено и к умозрению, и к деятельности» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 285]. Мы полагаем, что разумный образ жизни, за который выступали стоики, предполагал возможность выбора между созерцательной и деятельной жизнью в зависимости от обстоятельств. Отчасти можно согласиться с Т. Бенатвилем и М. Бонацци, которые пишут, что для стоиков выбор между образами жизни является вопросом предпочтения, «основанного на обстоятельствах и человеческой природе, социальное измерение которой имеет решающее значение и заставляет мудреца отдавать предпочтение политической жизни, а не “научной” жизни, когда первая ему доступна, но также позволяет ему выбрать уединенную жизнь в других обстоятельствах» [Bénatouil & Bonazzi, 2012, p. 9]. Нам известно, что ранние стоики вели разный образ жизни. Например, Зенон, Клеанф и Хрисипп, судя по

всему, вели созерцательный образ жизни, занимаясь философией и преподавательской деятельностью. В то же время другие видные представители Ранней Стои – Персей Китийский и Сфер Боспорский – были замечены в активном участии в политической жизни. Мы полагаем, что данные сведения подтверждают слова Диогена Лаэртского о предпочтении стоиками того образа жизни, который они называли разумным. При таком подходе стоики были вполне свободны в своем выборе и могли в равной степени заниматься как чистым созерцанием, так и политической деятельностью. В глазах стоиков ни один из этих образов жизни не обладал преимуществом по сравнению с другим. И, более того, стоики допускали сочетание этих образов жизни. В истории Древней Греции и Рима были стоики, которым удавалось заниматься государственными делами и одновременно предаваться философской деятельности.

Говоря о позиции ранних стоиков в вопросе о предпочтительном образе жизни нельзя не упомянуть об одном фрагменте Хрисиппа, на основании которого можно предположить, что ранние стоики ставили деятельную жизнь выше созерцательной. Слова Хрисиппа приводит Плутарх: «Те, кто считает, что учительская жизнь составляет особенный удел философов, совершают, как мне кажется, серьезную ошибку с самого начала, полагая, что человек должен вести такую жизнь ради некоторой деятельности или ради чего-то подобного и всю свою жизнь провести именно так – то есть, при внимательном рассмотрении, приятно» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 702]. Мы полагаем, что Хрисипп в этом фрагменте критикует не созерцательную жизнь как таковую, а стремление к созерцательной жизни ради удовольствия. Об этом говорит полемический характер фрагмента. Судя по всему, слова Хрисиппа были направлены против эпикурейцев и перипатетиков. Как говорит Хрисипп, «ибо мы не должны упускать из вида, что их действительное мнение именно таково, причем многие придерживаются его открыто и столь же многие – более скрытно» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 702]. Хрисипп пытается показать, что за всеми рассуждениями философов из других школ о созерцании и преподавании лежит стремление к приятной и усадительной жизни. Для стоиков, как известно, жизнь согласно природе не имеет ничего общего с удовольствием. Поэтому позиция всех, кто связывал философскую жизнь с удовольствием, не могла вызывать у стоиков ничего кроме неприятия.

В этой связи, как нам представляется, критика Плутарха в отношении ранних стоиков была ошибочной и проистекала из непонимания их позиции в вопросе о предпочтительном образе жизни. В трактате «О противоречиях у стоиков» Плутарх упрекает Зенона, Клеанфа и Хрисиппа в том, что они много написали о государственном устройстве и политической деятельности, но сами не принимали в ней участие, отдав предпочтение созерцательной жизни [Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 27]. Если исходить из того, что было установлено нами выше, то следует признать, что никакой несогласованности у ранних стоиков не было. Созерцательная жизнь для стоиков совершенно не исключала интереса к политике. Непосредственное участие в политической жизни для них было вполне допустимым и одобряемым, но далеко не обязательным делом. Гибкая позиция ранних стоиков в вопросе о предпочтительном образе жизни открывала широкие возможности для

участия как в научно-философской, так и в общественно-политической жизни. Во многом, именно благодаря этой позиции стоики завоевали репутацию самой социально активной философской школы в Античности.

Большое внимание вопросу о предпочтительном образе жизни уделил Эпикур. Упоминается, что он был автором таких сочинений как «Об образе жизни» (Περὶ βίωσις) в четырех книгах и «О предпочтении и избегании» (Περὶ ἀπέφευξις καὶ φουδιξις). В основе представлений Эпикура о предпочтительном образе жизни лежит учение о счастье и конечной цели. Согласно Эпикуру, счастье заключается в безмятежности и покое. К этому состоянию ведет избавление от страхов перед силами природы. По мнению Эпикура, только с помощью изучения природы можно избавиться от страхов и смятений. В «Письме к Пифоклу» Эпикур пишет: «Прежде всего надобно помнить, что подобно всему остальному наука о небесных явлениях ... не служит никакой иной цели, кроме как безмятежности духа» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 392]. Причем Эпикур настаивает, что изучать надо не сами природные явления, а их причины. Как пишет Эпикур в «Письме к Геродоту», кто сведущ в явлениях природы, «но не знает, какова их природа и главнейшие их причины, тот чувствует такие же страхи, как если бы вовсе был несведущ, а может быть даже и большие» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 390]. Эпикур призывает своих последователей читать его сочинения о природе с целью успокоения духа. В этой связи нас не должно удивлять то, что Эпикур ставит счастливую жизнь в прямую зависимость от философской деятельности. О своем отношении к философии и о том, какую роль она должна играть в жизни, Эпикур говорит в «письме к Менекею». Приведем его слова: «Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не утомляется занятиями философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни незрелым, ни перезрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 402]. Нельзя не заметить, что позиция Эпикура в отношении созерцательной деятельности отличается от позиции Аристотеля. Аристотель придерживается идеи о самоценности созерцательной жизни. Для Эпикура созерцательный образ жизни самостоятельной ценности не имеет. В философии Эпикура созерцательная деятельность является не целью жизни, как у Аристотеля, а лишь средством ее обретения, пусть и необходимым. Другими словами, созерцательная жизнь у Эпикура подчинена цели обретения безмятежности. Но именно поэтому этот образ жизни является для философа настолько ценным и значимым.

В то же время Эпикур соглашается с Аристотелем в представлении о созерцательной деятельности как наслаждении. Философская деятельность, по мнению Эпикура, обладает важным достоинством. Занятия философией доставляют большую радость и удовольствие. Как говорит Эпикур, «во всех занятиях плод с трудом приходит по окончании их, а в философии рядом с познанием бежит удовольствие: не после изучения бывает удовольствие, а одновременно бывает изучение и наслаждение» [Лукреций, 1947, с. 615]. Можно ли на основании данных фрагментов сделать вывод о предпочтении Эпикуром созерцательного образа жизни? Мы полагаем, что нет. Важную роль философии признавали все без исключения греческие философы. Но это не означает, что все они отдавали предпочтение созерцательному образу жизни. Для ответа на интересующий нас вопрос необходимо прояснить отношение Эпикура к деятельной жизни.

Отношение Эпикура к общественно-политической деятельности было двойственным. С одной стороны, он стремился к уклонению от участия в ней. С другой стороны, он допускал при определенных обстоятельствах участие в общественно-политической жизни. Безусловно, основной линией поведения Эпикура было уклонение от участия в государственных делах. Данная позиция прямо вытекала из всего учения Эпикура. Последовательная реализация стремления к безмятежной жизни и невозмутимости оставляла мало шансов для активного участия в жизни общества и государства. Известное высказывание Эпикура о необходимости освобождения от уз общественной деятельности [Лукреций, 1947, с. 621] и его призыв к незаметной жизни [Лукреций, 1947, с. 649] говорят, как раз о том, что он прекрасно осознавал опасность деятельной жизни для безмятежности и покоя. Одним из важнейших условий бестревожной жизни, согласно Эпикуру, является безопасность. Это одна из тех причин, которая заставляет философа сторониться активного участия в общественно-политической деятельности.

Казалось бы, в позиции Эпикура относительно деятельного образа жизни все просто и понятно. Но в действительности все не так однозначно. Дело в том, что возможность участия в государственных делах Эпикур все же допускал. Выскажем предположение, что, согласно Эпикуру, участие в политической деятельности могло быть связано с дружбой, а также могло быть обусловлено различными обстоятельствами. На наш взгляд, помощь друзьям или стремление избежать неприятностей и невозможность достичь этого другими способами вполне могли подтолкнуть эпикурейца к деятельному образу жизни. Разумеется, это не означает, что для Эпикура деятельная жизнь обладала такой же ценностью, как и жизнь созерцательная. Как мы выяснили, обретение безмятежности и счастья возможно только в условиях созерцательной жизни. Деятельную жизнь Эпикур допускал, но не придавал ей большой ценности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в вопросе о предпочтительном образе жизни Эпикур занимал позицию убежденного сторонника созерцательной жизни.

У нас не вызывает сомнения, что вопрос о предпочтительном образе жизни обсуждался в малых сократических школах. Но пробелы в источниках не позволяют нам прояснить их позицию. Выскажем лишь соображения самого общего характера. Киники с их космополитизмом и открытой враждебностью к общественным установлениям и политическим институтам никак не могли превозносить деятельный образ жизни. Всем своим образом жизни они демонстрировали глубокое презрение к традиционной политике и государственным делам. Следует ли из этого, что киники были сторонниками созерцательного образа жизни? Мы в этом не уверены. Образ жизни, который воспевали киники, имел мало общего с тем представлением о созерцательной жизни, которое было распространено в греческой философии. Говоря о созерцательной жизни, Аристотель, Теофраст, Эпикур, стоики и другие философы вряд ли имели в виду бродячий и нищенствующий образ жизни. Если говорить о киренаиках в период раннего эллинизма, то здесь можно отметить следующее. Философские учения Гегесия, Феодора Безбожника и Анникерида отличались глубоким индивидуализмом. Интересы полиса и сограждан интересовали киренаиков меньше всего. Очевидно, что при таком отношении к обществу, деятельная жизнь не могла быть предпочитаемым образом жизни. При этом остается

неясным, какое отношение у киренаиков было к созерцательному образу жизни. Можем ли мы назвать киренаиков сторонниками созерцательной жизни? Или, можно ли отнести некоторых из них, например, Анникерида, на основании его частичной приверженности полисным ценностям, к сторонникам деятельной жизни? На наш взгляд, однозначно ответить на эти вопросы крайне затруднительно. Меньше всего вопросов вызывает позиция Менедема из Эретрии. Тот факт, что Менедем принимал самое активное участие в государственных делах, свидетельствует о его неравнодушном отношении к деятельному образу жизни.

Для Пиррона и его последователей вопрос о предпочтительном образе жизни, должно быть, не имел никакого значения. Как известно, Пиррон прославился невозмутимым характером и безразличным отношением ко всему происходящему в жизни. Мы не знаем, стремился ли Пиррон к полному безразличию или он все же что-то предпочитал и чего-то избегал. Если Пиррон стремился к полному безразличию, то вопрос о предпочтительном образе жизни для него терял всякую актуальность. Но, даже если у него были определенные предпочтения, то это не играло никакой роли в выборе образа жизни. Согласно одной из версий, сообщаемых у Диогена Лаэртского, Пиррон в практической жизни руководствовался установленными законами и обычаями [Диоген Лаэртский, 1986, с. 352]. Но в таком случае, ни о каком выборе в подлинном смысле этого слова не могло идти и речи. Пиррон лишь плыл по течению, подстраиваясь под тот образ жизни, который вело большинство греческих обывателей.

Итак, мы установили, что представление о повороте к созерцательной жизни в ранней эллинистической философии является преувеличением. В данный исторический период многие греческие философы, если и не отдавали предпочтение деятельной жизни, то, как минимум ставили ее на один уровень с созерцательной. К числу философов, для которых деятельная жизнь обладала высоким ценностным статусом, можно отнести Дикеарха, Деметрия Фалерского, Ксенократа, ранних стоиков, Менедема из Эретрии. Аристотель, Теофраст и возможно некоторые академики отдавали предпочтение созерцательной жизни. Но вместе с тем они высоко оценивали и деятельный образ жизни. Единственным крупным философом раннего эллинизма, отдававшим предпочтение созерцательной жизни, но не ради нее самой, а ради достижения безмятежности, и не придававшим большой ценности деятельной жизни, хотя и допускаявшим ее при определенных обстоятельствах, был Эпикур. Данный вывод ставит под сомнение традиционную точку зрения, согласно которой отход от деятельной жизни в греческой философии в эпоху эллинизма был обусловлен гибелью полисной системы и утратой греками политической свободы.

Полученные результаты подталкивают нас к предположению о том, что в период раннего эллинизма полисная система устояла и продолжила оказывать влияние на греческую философию. Какие аргументы подтверждают данную версию? Во-первых, это сохранение полисной системы в период раннего эллинизма. Об этом говорят многие современные исследователи. Например, Р. Стротман пишет, что в эллинистическую эпоху полисы не только выжили, но и увеличились в количестве [Strootman, 2011, p. 150]. При этом многие полисы попали в зависимость от эллинистических царей, а те, в свою очередь, стали

зависимы от полисов. О. М. Нийф и Р. Олстон полагают, что битва при Херонее¹ «могла стать причиной потери власти великих полисов, таких как Афины или Спарта, но независимый полис не исчез как форма политической и социальной организации» [van Nijf & Alston, 2011, p. 5]. Как отмечают исследователи, «в эллинистический период произошло нечто вроде “второго подъема полиса”» [van Nijf & Alston, 2011, p. 6], когда после завоеваний Александра новые полисы были основаны на Востоке. При этом, новые греческие города напоминали классические полисы не только архитектурно, но и с точки зрения институтов и организации [van Nijf & Alston, 2011, p. 6]. Во-вторых, это участие греческих философов в политической жизни полисов. Здесь можно вспомнить Ксенократа, Менедема из Эретрии, Деметрия Фалерского, Сфера Боспорского. Важно подчеркнуть, что все эти философы, насколько мы знаем, действовали не только в своих личных интересах или в интересах своих покровителей диадохов, но, прежде всего, в интересах полисов. Та скудная информация, которой мы располагаем, свидетельствует о том, что эти философы не утратили связи с полисными ценностями.

На наш взгляд, данные аргументы доказывают, что у греческих философов в период раннего эллинизма имелись серьезные основания для предпочтения деятельного образа жизни. Но мы полагаем, что предпочтение деятельной жизни могло быть связано не только с сохранением полисной системы, но и с образованием эллинистических монархий. На первый взгляд это предположение может показаться странным. Дело в том, что традиционно принято считать, что появление эллинистических монархий, наоборот, способствовало уходу греческих философов из политической жизни и погружению в тихую философскую жизнь. Если обратиться к историческим фактам, то перед нами предстанет более неоднозначная картина. Дело в том, что эллинистические правители охотно приглашали к себе на службу философов. Последние не всегда принимали эти приглашения. Так, упоминается об отказе Теофраста приехать к Птолемею I Сотеру в Египет. Еще один случай связан с Зеноном Китийским, который якобы отклонил приглашение Антигона Гоната. Но другие философы принимали активное участие в политической и придворной жизни в эллинистических царствах. Сообщается, что Деметрий Фалерский, Стратон из Лампсака и Феодор Безбожник занимались активной общественно-политической деятельностью в Египте при Птолемее I. Персей Китийский занимался военно-политической деятельностью в Македонии при Антигоне Гонате. Сфер Боспорский служил египетским царям из династии Птолемеев. Хорошо видно, что с образованием эллинистических монархий у греческих философов появилась новая возможность для того, чтобы вести деятельный образ жизни.

В то же время мы не можем игнорировать факт предпочтения отдельными философами созерцательной жизни. Эта тенденция появилась не в эпоху эллинизма, но в это время она продолжала развиваться. На наш взгляд, в социально-историческом плане эта тенденция была связана с кризисом полисной системы. Выше мы уже отметили, что полисная система в период раннего эллинизма устояла. Но при этом мы не сказали, что состояние, в котором греческие полисы пребывали в это время, оставляло желать лучшего. Дело в том, что

¹ В битве при Херонее в 338 г. до н.э. объединенное греческое войско потерпело поражение от македонской армии Филиппа II. После этого в Греции установилась гегемония Македонии. По одной из распространенных в науке версий, данное событие положило конец политической свободе греческих полисов.

полисная система, начиная с конца V в. до н. э. продолжала неуклонно ослабевать. Это проявлялось в военно-политическом ослаблении ведущих греческих полисов, неспособности объединиться против общего врага или другими словами в хроническом и усугубляющемся полисном партикуляризме, постепенном размывании полисных ценностей. Не стоит думать, что процесс ослабления полисной системы носил лавинообразный характер. Силы полисов иссякали постепенно. Кризис полисной системы начинается с Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э., а заканчивается только в 146 г. до н. э. полным завоеванием Греции Римом. За этот очень продолжительный период у греческих полисов было немало взлетов и падений. Но в целом, полисная Греция двигалась по нисходящей линии. Именно это обстоятельство, как нам представляется, подталкивало философов к уходу от деятельной жизни в сторону тихого философского существования.

Подведем итоги. В период раннего эллинизма в греческой философии актуализировался вопрос о предпочтительном образе жизни. Как мы выяснили, лишь немногие из известных философов ставили созерцательную жизнь выше деятельной. К их числу можно отнести Аристотеля, Теофраста и Эпикура. Причем, если Аристотель и Теофраст рассматривали созерцательную деятельность в качестве конечной цели жизни, то для Эпикура она представляла ценность только в качестве средства достижения безмятежности. Также нельзя не отметить, что для Аристотеля деятельная жизнь обладала большой ценностью. Для большинства философов созерцательный и деятельный образы жизни были приблизительно равноценны. Представителями данной позиции были Дикеарх, Деметрий Фалерский, Ксенократ, ранние стоики, Менедем из Эретрии. Можно сказать, что деятельная жизнь не утратила своей привлекательности для греческих философов в период раннего эллинизма. Это оказалось следствием сохранения полисной системы и образования эллинистических монархий. Высокий ценностный статус деятельной жизни в ранней эллинистической философии был обусловлен сохранением связи между гражданином и полисом и новыми возможностями для участия в политической деятельности, которые открылись в результате образования эллинистических монархий. В то же время стремлению к созерцательной жизни способствовало усиление кризиса полисной системы.

Список литературы / References

Аристотель. (1976). *Сочинения в четырех томах. Том 1*. Ред. В. Ф. Асмус. М. Aristotle. (1976). *Essays in 4 vol. Vol. 1*. In V. F. Asmus (ed.). Moscow. (In Russ.)

Аристотель. (1983). *Сочинения в четырех томах. Том 4*. Под ред. А. И. Доватура. М. Aristotle. (1983). *Aristotle. Essays in 4 vols. Vol. 4*. A. I. Dovatur (ed.). Moscow. (In Russ.)

Биркин, М. Ю. (2016). Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. № 11. С. 38-46. DOI: 10.28995/2686-7249-2016-11-38-46

Birkin, M. (2016). Notion about active and contemplative life. From Plato to Christian patristics. *Bulletin RSUH/RGGU. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series"*. no. 11. pp. 38-46. (In Russ.) DOI: 10.28995/2686-7249-2016-11-38-46 (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1932). Лекции по истории философии. *Гегель Г. В. Ф. Сочинения*. Кн. 2. Т. X. М.

Hegel, G. W. F. (1932). *Lectures on the History of Philosophy*. Moscow. (In Russ)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.

Diogenes Laertius. (1986). *About the life, teachings and sayings of famous philosophers*. M. L. Gasparov (transl.). 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

Лукреций (1947). *О природе вещей*. Под ред. Ф. А. Петровского. Ленинград. Т. 2.

Lucretius (1947). *On the Nature of Things*. F. A. Petrovskiy (ed.). Leningrad. Vol. 2.

Фрагменты ранних стоиков. Т. I: Зенон и его ученики. (1998). Пер. и ком. А. А. Столярова. М.

Excerpts of Early Stoics. Vol. 1. Zeno and His Apprentices. (1998). Transl. and comment. A. A. Stolyarov. Moscow. (In Russ.)

Фрагменты ранних стоиков. Т. III: Хрисипп из Сол. Ч. 1: Этические фрагменты. (2007). Пер. и ком. А. А. Столярова. М.

Excerpts of Early Stoics. Vol. III Chrysippus of Soli. Ch. 1. Ethical fragments. (2007). Transl. and comment. A. A. Stolyarov. Moscow. (In Russ.)

Цицерон, М. Т. (1949). *Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*. Пер. В. О. Горенштейна. М.–Л. Т. 1.

Cicero, M. T. (1949). *Letters to Friends*. V. O. Gorenshtein (transl.). Moscow-Leningrad. Vol. 1. (In Russ.)

Цицерон, М. Т. (1966). О законах. Пер. В. О. Горенштейна. *Цицерон М. Т. Диалоги. О государстве. О законах*. М. С. 89-150.

Cicero, M. T. (1966). *On the Laws*. V. O. Gorenshtein (transl.). Moscow. pp. 89-150. (In Russ.)

Цицерон, М. Т. (1975). Тускуланские беседы. Пер. М. Л. Гаспарова. *Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения*. М. С. 207-357.

Cicero, M. T. (1975). *Tusculan Disputations*. M. L. Gasparov (transl.). Moscow. pp. 207-357. (In Russ.)

Bénatouïl, T. (2012). Théophraste: les limites éthiques, psychologiques et cosmologiques de la contemplation. In: *Theoria, Praxis and the Contemplative Life after Plato and Aristotle. Philosophia Antiqua*. T. Bénatouïl, M. Bonazzi (eds.). Leiden, Boston. Brill. pp.17-39.

Bénatouïl, T. & Bonazzi, V. (2012). Θεωρία and βίος θεωρητικός from the Presocratics to the End of Antiquity: An Overview. In: *Theoria, Praxis and the Contemplative Life after Plato and Aristotle. Philosophia Antiqua*. T. Bénatouïl, M. Bonazzi (eds.). Leiden, Boston. Brill. pp.1-14.

Bevan, E. (1923). Hellenistic Popular Philosophy. In: J. B. Bury, E. A. Barber, Edwyn Bevan, and W. W. Tarn. *The Hellenistic Age: Aspects of Hellenistic Civilization*. Cambridge University Press. pp. 79-107.

Brown, E. (2008). Contemplative withdrawal in the Hellenistic age. *Philosophical Studies*. no. 137(1). pp. 79-89.

van Nijf, O. M. & R. Alston (2011). Political culture in the Greek city after the classical age: introduction and preview. In Onno M. van Nijf & Richard Alston (eds.). *Political Culture in the Greek City After the Classical Age*. Publisher: Leuven: Peeters. pp. 1-26.

Strootman, R. (2011). Kings and Cities in the Hellenistic Age. In Onno M. van Nijf & R. Alston (eds.). *Political Culture in the Greek City After the Classical Age*. Publisher: Leuven: Peeters. pp. 141-153.

Zeller, E. (1880). *Stoics, Epicureans and Sceptics*. London. Longmans, Green, and co.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8, e-mail: v.brovkin@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

После доработки: 05.06.2021

Принята к публикации: 15.06.2021

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: v.brovkin@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

The paper was submitted: 10.05.2021

Received after reworking: 05.06.2021

Accepted for publication: 15.06.2021